

The source of the study consists of unpublished documents from the funds of Federal and regional archives: the State archive of the Russian Federation, Russian state archive of Economy, branch of Russian state archive for scientific-technical documentation in the Ulyanovsk Region, State archive of contemporary history of the Ulyanovsk Region. The author also uses articles of the regional newspaper called Ulyanovskaya pravda.

Keywords: urban transport; public transport; electric transport; tram; urban economy; public utilities; traffic; Ulyanovsk; Simbirsk; Economics; history; regional history; history of everyday life; Great Patriotic war; post-war period.

УДК 93/94

БЫТ РАБОЧИХ СРЕДНЕ-ВОЛЖСКОГО КРАЯ В ГОДЫ ИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ

© 2017

Токмакова Лидия Петровна, кандидат исторических наук,
доцент кафедры отечественной истории и археологии

Самарский государственный социально-педагогический университет (г. Самара, Российская Федерация)

Аннотация. История повседневной жизни рабочих в период индустриализации, когда происходила ломка старых жизненных устоев и формирование нового быта, представляет большой интерес при изучении социальной истории Среднего Поволжья. Изучение быта рабочих промышленных предприятий крупных городов Средне-Волжского края позволяет лучше понять развитие в столь сложный период советского общества в целом. В то же время история быта рабочих данного региона обладает рядом особенностей по сравнению с промышленными центрами страны. В данной статье рассматривается наиболее болезненный вопрос периода урбанизации Среднего Поволжья в 1930-е гг. – жилищный. Его анализ невозможен без изучения истории развития городского транспорта, санитарно-гигиенического обслуживания населения, благоустройства городов. Изучение истории быта отдельного региона наглядно демонстрирует все проблемы и трудности развития рабочего класса и в целом страны в 20–30 гг. XX века. Этим взаимосвязанным проблемам посвящена данная работа.

Ключевые слова: уровень жизни; индустриализация; быт; кризис жилплощади; уплотнение; выселение; текучесть рабочей силы; жилищно-коммунальное строительство; общезжития; дефицит стройматериалов; коммунальное хозяйство; санитарное состояние и гигиена; эпидемия; городской транспорт; благоустройство городов; субботники.

Быт – это уклад повседневной жизни человека, внепроизводственная сфера, включающая как удовлетворение материальных потребностей людей (в пище, одежде, жилище, поддержании здоровья), так и освоение духовных благ, культуры, общение, отдых, развлечение (общественный, национальный, городской, сельский, семейный, индивидуальный быт). Быт складывается и изменяется под влиянием материального производства, общественных отношений, уровня культуры, а также географических условий и оказывает огромное влияние на другие стороны жизни людей, на формирование личности. Это определение термина «быт», данное в энциклопедическом словаре, показывает важность изучения повседневной жизни человека для понимания той или иной эпохи.

В советской исторической науке теме быта разных слоёв населения уделялось крайне мало внимания. Наиболее последовательно тема быта была исследована историками, изучающих средневековые и период новой истории. В советский период истории быт был лишь иллюстрацией выдающихся достижений советской экономики. Миф о высоком уровне жизни советских людей в 30-е годы подкреплялся произведениями советских писателей художественными фильмами, музыкой. Сегодня появилась возможность более объективного исследования этой темы. Время индустриализации наиболее интересно для историка, изучающего формирование нового менталитета и нового образа жизни советских людей. В данной статье автор ставит перед собой задачу изучения только двух аспектов столь сложного понятия как «быт» в Среднем Поволжье.

Среднее Поволжье до начала индустриализации было аграрным районом с весьма слаборазвитой

промышленностью. В СССР было всего три промышленных центра: Ленинград, Москва и Урал, так что экономическое развитие Среднего Поволжья было типичным для того времени. В 1916 г. в Самарской, Симбирской и Пензенской губерниях городское население составляло 7,5%, сельское – 92,5%.

Годы Первой мировой и Гражданской войн нанесли экономике Среднего Поволжья колоссальный ущерб. Так, в 1922 г. в Самарской губернии осталось действующими 42 предприятия с числом рабочих немногим более 3000 человек. Трубочный завод и ряд других крупных предприятий практически были закрыты. Вследствие этих обстоятельств восстановительный период занял более продолжительный срок. В 1925 г. промышленное производство достигло 70% довоенного уровня, в 1927 г. – 80,5% и только в 1928 г. – 118% [1].

В регионе ощущалась крайняя недостаточность инженерно-технических кадров и опытных хозяйственных руководителей. На весь огромный Средне-Волжский край в восстановительный период насчитывалось всего несколько десятков дипломированных инженеров. Высших технических учебных заведений не было, сеть техникумов и профтехшкол была очень мала.

Все попытки руководства края ускорить промышленное развитие наткнулись на противодействие Госплана и ВСНХ, считающих Среднее Поволжье аграрным краем. Ситуация изменилась после принятия постановления ЦК ВКП(б) от 15 февраля 1930 г. «Об основных хозяйственных проблемах Средне-Волжского края», предусматривающего увеличения капитальных вложений в развитие промышленности края.

В связи с широко развернувшимся ходом работ по строительству новых и реконструкции старых предприятий в 1930 г. безработица была полностью ликвидирована и, более того, стала ощущаться острая нехватка рабочих. Предприятия перешли к организованному набору рабочих из числа колхозников и женщин. Но города Среднего Поволжья были небольшими, малочисленными, в основном одноэтажными, и приток большого количества новых жителей вызвал острый кризис в обеспечении рабочих жилплощадью. Для решения этой проблемы не хватало финансирования, стройматериалов, строительных рабочих. Дефицит стройматериалов был настолько велик, что на Пензенском заводе им. Фрунзе в 1936 г. крыши бараков за неимением железа покрыли промазанной бумагой [2].

Средне-Волжский облисполком обратился в НКВД с просьбой о включении в план кредит центральных банков на 1928/29 хозяйственный года заявку на долгосрочный кредит для нужд жилищно-коммунального строительства городов области в размере 5615 тыс. рублей. Анализ этого документа позволяет вычлени наиболее важные проблемы коммунального хозяйства региона. Для Самары это жилищное строительство, водопровод, электростанции, съёмка и планировка. Для Пензы – жилищное строительство, водопровод, канализация, электростанция, автотранспорт, баня, съёмка и планировка. Для Ульяновска – жилищное строительство, канализация, электростанция. ... Облисполком просил обратить особое внимание на удовлетворение заявок на коммунальное и жилищное строительство г. Самары, учитывая особо тяжёлое состояние её коммунального хозяйства [3]. Эта проблема являлась одним из самых важных предметов обсуждения на протяжении всего периода 30-х гг. На заседании президиума завкома Трубочного завода (далее завод им. Масленникова, сокращённо – ЗИМ) в сентябре 1931 г. «... констатировали особо тяжёлое положение с удовлетворением жилплощадью. Всего неудовлетворенны 1200 рабочих, которые ютятся в летних сараях, сенях... и даже на улице недалеко от завода... Сюда не включены те, кто живёт в подвалах. В результате за последнее время в связи с приближением осенне-зимнего периода особо увеличилась текучесть кадров, в том числе процент квалифицированных рабочих». Завком ЗИМа обратился к горсовету с просьбой об отведении части города и до завода в пределах улиц Чапаевской и Арцыбушевской для заселения всех имеющихся свободных жилплощадей рабочими завода [4].

Нехватка жилплощади приводила к очень большой текучести рабочих на предприятиях, что негативно сказывалось на экономических показателях промышленности. Так, например, на Куйбышевском заводе автотракторного электрооборудования и карбюраторов (далее КАТЭК) во втором квартале 1935 г. текучесть рабочей силы составила 33,26% [5]. В 1936 г. текучесть рабочей силы увеличилась. Руководство КАТЭКа объяснило это в годовом отчёте за 1936 г. следующими причинами: «1. Необеспеченность жилплощадью вновь поступающих рабочих. До сего времени 120 человек не обеспечены жилплощадью. 2. Завод отдалён от центра на 12 км, и имеется крайне плохое трамвайное сообщение (с двумя, тремя пересадками). 3. Оторванность от культурного

центра. Сообщение с центром города имеется только до 12 часов. 4. Торговая сеть – один магазин и два ларька – по своей пропускной способности и по ассортименту продукции и товаров, имеющихся у них, не могут обслужить запросы живущих в посёлке. Поэтому рабочие завода вынуждены покупать большую часть продуктов и промтоваров в центре города, что в свою очередь обременяет бюджет рабочего». Эта ситуация с уходом рабочих с предприятия продолжилась и в 1938 г. и по тем же причинам [6]. К концу 30-х гг. количество увольняющихся по собственному желанию на предприятиях края увеличилось. К вышеуказанным причинам можно назвать острую нехватку мест в детских яслях и детсадах, что вынуждало женщин оставлять работу (на ЗИМе 65% работающих составляли женщины, а в детских очагах (детских садах) было всего 200 мест) [7].

Заводские рабочие жили в коммунальных квартирах, общежитиях, бараках, дачных домиках, землянках. Все они нуждались в ремонте, но годовой план 1935 г. по ремонту жилых помещений был выполнен по краю на 40%, ещё ниже были показатели в Ульяновске – 27%, в Пензе – 23% [8]. Причины всё те же – нехватка стройматериалов и рабочей силы, низкое качество работ. На ЗИМе в 1938 г. нашли решение в обеспечении жильём рабочих в поощрении строительства индивидуальных домов. С этой целью завод выделил 150000 рублей, которые распределили среди лучших производственников и стахановцев [9].

Бытовой вопрос был в центре внимания партийных, советских и профсоюзных органов. Городскими властями проводилась политика уплотнения в жилой площади. В мае 1935 г. на общезаводской конференции Ульяновского завода им. Володарского в выступлениях много говорили о ситуации с жильём. Докладчик сообщил «о завершения строительства одного дома для рабочих-ударников и ИТР, но в завкоме лежат 300 заявлений на квартиры. Не достроено 4 дома, но на 1935 г. средств на строительство не выделено. Дирекция и завком вынуждены пойти на некоторые уплотнения. При этом были допущены грубейшие извращения. Отличница Васильева имеет комнату в 20 кв. метров, где живёт с сыном. Хотели ей вселить женщину, но Васильева объяснила, что принять к себе в квартиру постороннего человека не может. Через некоторое время к ней вселяют мужчину. Васильева уговорила его уйти. Тогда ей заявили, что она будет обязана платить за квартиру в три раза дороже» [10].

Выселялись из квартир лица, лишённые прав, так называемые нетрудовые элементы, и эти квартиры заселялись рабочими или инженерами. Но выполнить это решение было не всегда легко. Решением Горпрофсовета заводу им. Масленникова выделили 1200 м² жилплощади на 2-й и 3-й просеках. Завком ЗИМа сообщил, что сложно будет это решение провести в жизнь, т.к. необходим ремонт, чтобы помещения были пригодны для жилья. К тому же необходимо выселить из указанных домов частных владельцев и других лиц, не связанных с ЗИМом (их 75%) [11]. Но шёл и обратный процесс. В докладной записке крайкому ВКП(б), секретарю горкома ВКП(б), председателю Средне-Волжского крайисполкома Полбицину председателем крайкома Всесоюзного союза рабочих металлопромышленности

(ВСРМ) Гориним изложены факты о систематическом выселении в 1932 г. рабочих ЗИМа из занимаемых ими квартир и частных домов без предоставления жилья. По постановлению Нарсуда 3-го участка из частной дачи гражданки Юсовой были выселены рабочие Богатова с ребёнком 9 лет, Букина с ребёнком 4 лет, Соколова. На протест крайкома и завкома о приостановлении выселения и наказания виновных... меры не приняты. Выселение состоялось 11 июня 1932 г. Рабочие живут в сарае. Президиум ЦК ВСРМ (Всесоюзный союз рабочих металлопромышленности) вынес резкое постановление и опубликовал его в журнале «За Советскую машину». Крайпрокурор ответа не дал. Более того, в целях расширения и обустройства зон отдыха началось массовое переселение рабочих ЗИМа, живущих в домах на территории Парка отдыха и культуры. Горсовет решил переселить рабочих с территории парка на 3, 4, 6, 7, 8 проспекты, не уведомив об этом ни заводские организации, ни крайком союза, и начал переселение против воли рабочих в 24 часа, издав постановление от 27 сентября 1932 г. Так, 1 октября в 14.00 были выброшены вещи рабочего Иванова, живущего на 3-й просеке, дача № 27. Всё это привело к волнениям среди рабочих. При проверке со стороны крайкома союза выяснилось, что предоставляемые квартиры для 123 семей оказались непригодными к зимнему времени, как строения летнего типа» [12]. Нам не удалось найти в архиве документов руководящих органов с ответами на данное обращение.

Предприятия изыскивали средства для строительства домов в небольших районах, расположенных рядом с предприятиями, но остроту нехватки жилья это не снимало. В 1935 г. на ЗИМе из 12447 работающих проживало в заводских домах 3389 человек, что составляло чуть более 27% [13]. На протяжении 1934–1936 гг. ЗИМ не построил ни одного жилого дома. Численность нуждающихся в жилье на заводе составила 1679 человек, получили квартиры – 107 [14]. Такое положение было характерно для Ульяновска и Пензы.

Новые рабочие посёлки приводили к расширению границ городов, что осложняло транспортную проблему. Кроме того, рабочие, живущие вдали от предприятий, не слышали заводских гудков и опаздывали на работу. Если в Ульяновске крупнейший завод им. Володарского был вынесен за пределы города в Заволжье, а в Пензе завод им. Фрунзе также располагался компактно на окраине, то в Самаре ЗИМ располагался в черте города рядом с посёлками Афон и Монастырский, известными своими криминальными традициями. В Самаре ещё до революции была построена трамвайная линия к Трубочному заводу, в 30-х гг. её продлили до Куйбышевского завода автотракторного электрооборудования и карбюраторов. Автобусного сообщения не было. Но трамваи с потоком пассажиров не справлялись из-за нехватки вагонов. Люди ездили на ступенях, крыше трамваев, что приводило к множеству несчастных случаев. Так, в 1925/26 хоз. году было 24 несчастных случая, связанных с трамваем, в 1926/27 хоз. году пострадали 40 человек, а в 1928/29 хоз. году только за один день погибли при поездке на трамвае три человека [15]. Дорога на ЗИМ для рабочих, живущих в центре города или на окраинах, занимала 3–4 часа на завод и

обратно. Председатель горсовета Самары Алексеев, выступая на профсоюзной конференции ЗИМа в декабре 1931 г., объяснил транспортную проблему нехваткой вагонов: из 80 вагонов в рабочем состоянии – 35. Но городские власти предприняли все усилия для исправления такого положения: по словам Алексеева, в 1932 г. в Самаре открывается мастерская по ремонту вагонов. Кроме того, должны получить с Мытищенского завода 20 моторных вагонов, 24 прицепных, 6 электровагонов, 16 автобусов, 60 автомашин. Выступление председателя горсовета интересно обрисованной картиной проблем города; трудно удержаться, чтобы не привести дословно данный документ: «В 1930 году мы имели жилой площади на одного человека – 4,32 кв. метра. В 1931 г. – 4,18 кв. метра. В 1932 г. довести до 5 кв. метра. В 1932 г. должны построить 7 домов, но дирекция завода настаивает на строительстве 27 домов. Дороги Самары изношены на 80%, часть мостят известняком, плохо влияющим на здоровье. В 1930 г. на мощение дорог и тротуаров было затрачено 638 тыс. рублей, в 1931 г. – 677 тыс. рублей. В 1932 г. намечено 6 млн. 400 тыс. рублей. Это позволит замостить 25 км дорог и асфальтировать 45 тыс. кв. метров тротуаров. В городе всего 16 мостовщиков и 43 асфальщика, что явно недостаточно.

Хатаевич (первый секретарь Средне-Волжского областного комитета ВКП(б) в 1928–1932 гг.) на одном из совещаний сказал, что Самара самый грязный город в Союзе». Председатель горсовета Алексеев объясняет такое положение тем, что «не хватает людей для вывоза мусора. В 1932 г. мы намечаем создать институт дворников... Канализация существует с 1909 г. и сейчас не справляется с потребностями» [16].

В рабочих посёлках была неразвитой инфраструктура: не хватало магазинов, детских садов, школ, больниц, бань, прачечных, столовых, клубов. Наглядно об этом свидетельствовало постановление президиума завкома ЗИМа от 8 января 1932 г., касающееся «1. Необходимости обратить внимание на школу № 41, где нет ни света, ни воды. ... 3. В рабочем посёлке вымостить улицы Линдовскую, Сталинскую и Куйбышевскую. 4. Расширить электроснабжение и водоснабжение в районе железнодорожного и рабочего посёлков и выстроить баню и прачечную. ... 8. Открыть на окраине кинотеатр. 9. Ускорить застройку трамвайной линии до Безымянки, установить движение маршрута № 1 от железнодорожного посёлка до завода» [17].

В городах практически не было домов с ванной комнатой, поэтому вопрос о строительстве бань был чрезвычайно важен. В архиве обнаружен документ, подтверждающий невероятную остроту этой проблемы. Из протокола заседания президиума Средне-Волжского крайпрофсовета от 15 августа 1931 г.: «...б) из имеющихся шести бань в Самаре в более благополучном состоянии находится баня № 1, остальные требуют неотложных капитальных затрат. Баня № 2 – ремонт 3-го этажа и переоборудование отопления (требуется 164.000 рублей, выделено 20.000, 3-й этаж грозит обвалиться). Баня № 3 наполовину переоборудована в прачечную. Баня № 4 – совершенно разрушена. Баня № 5 обслуживает гарнизон и железнодорожный посёлок, требует расши-

рения и, наконец, баня № 6 за рекой Самаркой долгое время находится под водой (затапливается). Паро-котельное хозяйство всех бань изношено на 50%, в силу чего пропускная способность всех бань города определяется в 500 человек в час при двухсменной работе, что составляет 14,2 посещения в год на одного человека, или один раз в месяц... Имея аналогичное положение с состоянием банно-прачечного хозяйства в городах края, просить крайисполком о принятии мер к развёртыванию этого вида хозяйства по краю» [18].

Надо сказать, что тревога о санитарном состоянии и гигиене жителей была не зря. Во время месячника смотря культурно-бытового и социального обслуживания вскрылись вопиющие факты. В общежитиях рабочих-строителей организаций «Промстроя» и «Горстроя» обнаружили отсутствие матрацев, наволочек. В общежитиях грязь, клопы, кучи мусора, отбросов. Нет кипятка, сушильных шкафов для одежды, лаптей и оныхей [19]. Не удивительно, что в 1932 г. в Среднем Поволжье началась эпидемия сыпного тифа со смертельными случаями. Для борьбы с эпидемией было намечено «1. Организовать поголовную помывку рабочих общежитий не реже раза в декаду. 2. Полная санитарная обработка общежитий и рабочих не реже раза в месяц. 3. Обеспечить постельными принадлежностями и санитарное содержание барачков. 4. Оборудовать вошебойки... Просить Наркомздрав РСФСР выделить для Средне-Волжского края на противоэпидемические нужды 5000 комплектов белья и 50 тонн мыла» [20].

В крае были организованы массовые походы за культуру барачков и столовых. Так, в Чапаевске было проведено 55 субботников, побелили 24 барака и общежития, обеспечили столами и скамейками, уничтожили клопов и т.д. По Оренбургу охватили 269 объектов, провели дезинфекцию 126 общежития. По Сызрани охватили 74 объекта, из которых 47 барачков, 16 столовых, 6 землянок. Побелили и дезинфицировали 17 барачков, в большинстве барачков нары заменили топчанами [21].

К сожалению, рамки статьи не позволяют расширить материал. Подводя итог вышесказанному, можно констатировать, что период 30-х годов был очень сложным как для страны, так и для её граждан.

Индустриализация способствовала увеличению численности рабочего класса, большей частью его становились неквалифицированные рабочие. Пополнение шло за счёт выходцев из деревень, которые, работая на заводах, сохранили связь с сельским хозяйством, прежний образ жизни. Они были городскими жителями в первом поколении. Города Среднего Поволжья не были готовы к такому приросту

населения, что создало для городских властей и жителей города большие проблемы, особенно жилищную. Жилищное обеспечение является одним из главных факторов, определяющих уровень и образ жизни рабочего. Документы, приведённые в статье, показывают, что уровень жизни рабочих и условия быта были крайне низки. Финансовой возможности для решения этих проблем и развития инфраструктуры городов ни у местных властей, ни у государства не было. Главным на тот период было всё же производство, для чего мобилизовались все финансовые и людские ресурсы. Жилищная проблема была, несмотря на её важность, вторичной. Местные власти также отвечали прежде всего за выполнение плана и не имели возможности справиться с жилищными проблемами, хотя и видели их и пытались решить в рамках финансовой возможности. Те небольшие положительные изменения, которые происходили в повседневной жизни рабочих, внушали оптимизм, веру в счастливое будущее.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. История индустриализации Среднего Поволжья (1926–1941 гг.). Документы и материалы. Куйбышев, 1974. С. 7.
2. Самарский областной государственный архив социально-политической истории (далее – СОГАСПИ). Ф. 9527. Оп. 6, Д. 4. Л. 102.
3. СОГАСПИ. Ф. 9356. Оп. 1, Д. 16. Л. 47.
4. СОГАСПИ. Ф. 9490. Оп. 2, Д. 83. Л. 90. Ф. 9490. Оп. 6, Д. 18. Л. 7.
5. Центральный государственный архив Самарской области (далее – ЦГАСО). Ф. Р-4234. Оп. 1. Д. 1. Л. 7.
6. ЦГАСО. Ф. Р-4234. Оп. 1. Д. 5. Л. 13. Ф. Р-4234. Оп. 1. Д. 12. Л. 20.
7. ЦГАСО. Ф. Р-2934. Оп. 58. Д. 7. Л. 86.
8. ЦГАСО. Ф. Р-2934. Оп. 58. Д. 16. Л. 33.
9. СОГАСПИ. Ф. 9356. Оп. 2, Д. 27. Л. 7,17.
10. СОГАСПИ. Ф. 9490. Оп. 2, Д. 83. Л. 112.
11. СОГАСПИ. Ф. 9356. Оп. 10. Д. 36. Л. 8.
12. СОГАСПИ. Ф. 9450. Оп. 2. Д. 17. Л. 34.
13. СОГАСПИ. Ф. 9527. Оп. 6. Д. 10. Л. 30.
14. ЦГАСО. Ф. Р-2934. Оп. 1. Д. 58. Л. 8, 119.
15. СОГАСПИ. Ф. 9431. Оп. 3 Д. 10. Л. 21.
16. СОГАСПИ. Ф. 9490. Оп. 2, Д. 83. Л. 160.
17. СОГАСПИ. Ф. 9490. Оп. 2, Д. 83. Л. 161.
18. СОГАСПИ. Ф. 9356. Оп. 6, Д. 18. Л. 125.
19. СОГАСПИ. Ф. 9356. Оп. 6. Д. 18. Л. 133.
20. СОГАСПИ. Ф. 9490. Оп. 2, Д. 127. Л. 19.
21. СОГАСПИ. Ф. 9356. Оп. 2, Д. 65. Л. 8, 18, 19. Ф. 9356. Оп. 5. Д. 3. Л. 53а.

LIFE OF WORKERS IN CENTRAL VOLGA AREA DURING INDUSTRIALIZATION

© 2017

Tokmakova Lidia Petrovna, candidate of historical sciences,
associate professor of Domestic History and Archaeology Department
Samara State University of Social Sciences and Education (Samara, Russian Federation)

Abstract. The history of workers' everyday life during industrialization when old vital foundations changed into new ones is of great interest when studying social history of the Central Volga area. Studying life of workers for industrial enterprises in large cities of the Middle Volga Region allows to understand the development of the Soviet society better during such a difficult period in general. At the same time the history of workers' life in this region has a number of features in comparison with industrial centers of the country. This paper considers housing as the most painful question of urbanization in the Central Volga area in the 1930th. Its analysis is impossible without studying

history of urban transportation development, sanitary and hygienic service of the population, improvement of the cities. At the same time studying history of life shows all problems and difficulties of working class development and the country in 20–30 of the XX century in general. This work is devoted to these interconnected problems.

Keywords: standard of life; industrialization; life; crisis of a living space; consolidation; eviction; labor turnover; housing-and-municipal construction; hostels; deficit of building materials; municipal services; sanitary condition and hygiene; epidemic; urban transportation; improvement of cities; community workdays.

УДК 94(47).084.8

УПРАВЛЕНИЕ РЕГИОНАЛЬНОЙ МУЗЫКАЛЬНОЙ КУЛЬТУРОЙ В 1939–1945 ГГ. (НА МАТЕРИАЛАХ ПОВОЛЖЬЯ)

© 2017

Тузова Ольга Владимировна, кандидат исторических наук,
доцент кафедры социологии, политологии и истории Отечества
Самарский государственный технический университет (г. Самара, Российская Федерация)

Аннотация. В статье на базе преимущественно неопубликованных источников и материалов местной периодической печати рассматриваются некоторые проблемы управления музыкальными учреждениями в Поволжье в 1939–1945 гг. на примере восьми музыкально-культурных моделей тылового, прифронтового и фронтового типов: куйбышевской, ульяновской, пензенской, саратовской, энгельской, казанской, сталинградской, астраханской. Реконструируется структура и функциональный комплекс управленческого компонента, описан круг ответственности уполномоченных Главного Управления по контролю за зрелищами и репертуаром различного уровня. Выявляется роль партийных органов в управлении музыкальной сферой края. Отмечается нестабильность и неполное квалификационное соответствие руководителей в некоторых моделях как негативный фактор. Существенное влияние на управление музыкальной культурой региона оказывали эвакуационно-реэвакуационные процессы: комплекс компетенций, кадровый состав. Изменения в географии управленческих структур затронули сталинградскую модель фронтового типа. Приводятся некоторые фактические данные о материальном обеспечении управленческого компонента: размещение управлений и отделов, заработная плата сотрудников. Констатируется структурное усложнение управленческой сферы в рамках 1939–1945 гг. Восстановлен ряд имен руководителей региональной культурой, их профессиональная принадлежность.

Ключевые слова: музыкальная культура; музыкально-культурная система; региональная культура; управление; Поволжье; Великая Отечественная война; Комитет по делам искусств при СНК СССР; Управление по делам искусств; отдел по делам искусств; эвакуация; реэвакуация; цензура; уполномоченный Главного управления контроля за репертуаром и зрелищами; художественный совет.

Советский опыт управления является одним из важнейших исторических этапов в становлении российского культурного менеджмента и креативных индустрий, в том числе и музыкальных. Особенно показательным в проявлении сущностных черт отечественной культуры советского типа стал период 1939–1945 гг. Некоторые аспекты управления культурой затрагиваются в трудах В.Т. Ермакова [1], Т.В. Зеленской [2], Т.П. Коржихиной [3], В.С. Меметова [4], А.Д. Понько [5] и др. Комплексных трудов по изучению управления региональной музыкальной культурой в довоенный и военный периоды не обнаружено.

Цель исследования – выявление структуры институтов управления музыкальной сферой региона в 1939–1945 гг., их субординации и практики руководства на примере 8 моделей музыкально-культурной системы Поволжья: куйбышевской, ульяновской, пензенской, саратовской, энгельской, казанской, сталинградской и астраханской.

Управление культурными процессами в 1939–1945 гг. осуществлялось не только по вертикали: городской (окружной) отдел по делам искусств – Управление по делам искусств при СНК автономной республики или областной отдел по делам искусств (далее ООДИ) – Управление по делам искусств при СНК РСФСР – Комитет по делам искусств при СНК СССР, но и по горизонтали, так как органы управле-

ния культурой юридически входили в состав соответствующего аппарата: горисполкома – облизполкома – СНК РСФСР – СНК СССР. На местном уровне эта система вплеталась еще и во взаимоотношения с реально правившими партийными структурами (главным образом обкомами, а также горкомами). Такая структура позволяла достигать централизованного типа управления культурными процессами.

В Поволжье руководство учреждениями искусств находилось в разное время в компетенции 2 республиканских Управлений (Татарская АССР и АССР Немцев Поволжья), 6 областных отделов (Куйбышев, Саратов, Сталинград, Ульяновск, Пенза, Астрахань) и 2 городских (организованы в 1943 г. в Куйбышеве и в Саратове [6, л. 322; 7, л. 16; 8, л. 57; 9, л. 184; 10, л. 13]) и 1 окружного (Астраханский) отдела по делам искусств. Специальные органы управления музыкальной сферой в местной системе в 1939–1945 гг. отсутствовали: функцию руководства, координации и контроля выполняли институты, ведавшие учреждениями искусства на определенной территории. В некоторых случаях, учитывая особенности музыкальной деятельности, их курировало отдельно назначенное должностное лицо. В ведении отделов по делам искусств были коллективы и на государственной дотации, и на самоокупаемости. География управленческих структур претерпела изменения в исследуемый период только в сталинградской модели: в